DOI: 10.17976/jpps/2022.02.11

РОССИЯ И США НА МИРОВОЙ СЦЕНЕ. ЧАСТЬ II. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ К НЕПРЕХОДЯЩЕМУ СОПЕРНИЧЕСТВУ

Т. Грэм

ГРЭМ Томас, заслуженный деятель Совета по международным отношениям, Нью-Йорк (США), email: tgraham@cfr.org

Грэм Т. 2022. Россия и США на мировой сцене. Часть II. Идеологический и геополитический путь к непреходящему соперничеству. *Полис. Политические исследования.* № 2. С. 145-158. https://doi.org/10.17976/2022.02.11

Статья поступила в редакцию: 11.10.2021. Принята к публикации:11.11.2021

Аннотация. В конце XIX – начале XX вв. наметились рамки российско-американского соперничества, основанного на противоречащих друг другу принципах и столкновении геополитических амбиций. Это противостояние стало следствием американского динамизма, уверенности в себе и самоуважения, которые вывели страну за пределы Западного полушария, подтолкнув США к экспансии в Восточной Азии и Европе, в том числе путем насаждения своего образа жизни и институтов за рубежом в качестве основы, надежно обеспечивающей собственные процветание, безопасность и успех. В России же, напротив, во внутренней структуре и геополитических чаяниях практически ничего не поменялось, несмотря на внутренние трудности и постоянно меняющиеся коалиции с великими европейскими державами. Ее внешняя политика определялась чувством уязвимости и необходимостью поспеть за соперниками, а не великой миссией. Она предпочла бы сохранить дружественные отношения с Соединенными Штатами, но у нее не оставалось иного выбора, кроме как противиться, поскольку США продвигались в регионы, которые они считали для себя жизненно важными, и усиливали критику состояния ее внутренних дел. Под влиянием географического, климатического и геополитического факторов в сознании россиян укоренилось чувство уязвимости и незащищенности, тогда как для Америки те же факторы способствовали превращению ее в великую державу. Если для России расширение диктовалось соображениями безопасности и представляло собой непременное условие ее выживания, то движущей силой американской экспансии выступало стремление выполнить свое предназначение. В конечном итоге американский идеологический активизм и геополитические амбиции разрушили хрупкие рамки сотрудничества, существовавшие с 1775 г.

Ключевые слова: российско-американские отношения, антисемитизм, Джордж Ф. Кеннан, Маньчжурия, Русско-японская война, баланс сил, российский экспансионизм, американский экспансионизм.

Как отмечалось в Части I, первое время в отношениях США и России практически отсутствовала идеологическая и геополитическая напряженность. Однако проблемы появились в дальнейшем на фоне быстрого превращения Соединенных Штатов из континентальной державы в динамичную, уверенную в себе демократическую силу глобального уровня. Между тем автократическую Россию охватил затяжной имперский кризис, заставивший ее сосредоточиться на поддержании внутреннего порядка и сохранении статуса великой державы на внешней арене. Инициаторами процесса перемен в двусторонних отношениях чаще всего выступали США. Санкт-Петербург, как всегда, был озабочен

балансом сил в Европе и поддержанием стабильности на своей обширной азиатской периферии. Во внешнеполитической повестке России США, по сути, не занимали важного места. Но царский режим, безусловно, не был заинтересован в разрушении давних хороших отношений с Вашингтоном. США по крайней мере поначалу, ставили те же цели. Тем не менее, накапливающееся в обществе осуждение российского самодержавия постепенно заставило американские власти изменить свою позицию. К тому же по мере роста собственных амбиций США все больше опасались российской экспансии на Дальнем Востоке.

ПОЯВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРЕНИЙ

Факторами, способствующими нарастанию отторжения американцами царского самодержавия, стали антисемитизм и отношение царизма к политзаключенным – именно эти вопросы привели в итоге в XX в. к возникновению напряженности в отношениях. Они же подготовили почву для продолжительной кампании, направленной на трансформацию нравственных ценностей России. Обеспокоенность антисемитизмом возникла у США в связи с тем, как царские власти обращались с американскими евреями, которые в прошлом эмигрировали из Российской империи, а потом ездили в Россию в поисках потенциальных коммерческих сделок. По условиям Торгового договора 1832 г. американским и российским предпринимателям предоставлялись одинаковые права и привилегии на всей территории империи. Царское правительство истолковало это положение как позволяющее подвергать американских евреев той же дискриминации, что и российских, в том числе ограничивать места оседлости и доступные им возможности в деловой сфере. Для американцев это было вопиющим нарушением основополагающего принципа равенства граждан перед законом. То, что эти ограничения, как и большинство российских законов, применялись властями избирательно, не способствовало снижению обеспокоенности американцев [Saul 1996: 236-240]. Положение американских евреев становилось еще более уязвимым из-за отказа российского правительства признавать право своих подданных на эмиграцию и на принятие гражданства другого государства без государственного согласия. Американским евреям-эмигрантам по возвращении в Россию грозил ряд повинностей, включая необходимость прохождения военной службы [Healy 1983: 411-415].

Американские дипломаты были обязаны напрямую сообщать о случаях дискриминации царским властям. Такие протесты учащались по мере расширения коммерческих связей. Царское правительство, раздраженное необоснованным, по его мнению, вмешательством во внутренние дела, и устав разъяснять нюансы российского законодательства и политических императивов американским посланникам, решило просто прекратить выдачу виз американским гражданам-евреям. Это лишь усугубило ситуацию и осложнило работу американских дипломатов, которые в целом надеялись сохранить дружественные отношения с Россией, несмотря на нарастающее общественное недовольство у себя на родине.

После убийства императора Александра II проблема усложнилась. Царское правительство стало более активно вводить антиеврейские ограничения, отчасти из-за того, что евреи занимали видное место в революционных кругах. Официальный и традиционно существовавший в России бытовой антисемитизм в совокупности привел к череде погромов в 1881 г. Растущее число нападений спровоцировало волну еврейской эмиграции в США. Информация о не-

благоприятных условиях жизни в России постепенно привела к ухудшению образа России в глазах общественности. Однако американцев мотивировали не только благородная забота о правах человека, но и практические проблемы – наплыв еврейских иммигрантов грозил возникновением дисбаланса на рынках труда. Многие американские евреи были озабочены тем, как приток бедных единоверцев со странными обычаями отразится на общественном мнении [ibid.: 429]. Как следствие, озабоченность антисемитизмом в России дополнительно проявлялась в ходе взаимодействия американских дипломатов с царскими чиновниками к великому негодованию последних.

Еврейский вопрос был не единственной и, возможно, даже не главной причиной нараставшего в американском обществе неодобрения российской автократии. Джордж Кеннан, дальний родственник Кеннана, интеллектуального отца политики сдерживания времен холодной войны, сыграл тут главную роль. Он рассказал американцам о тяжелых историях преследования Россией политических оппонентов. Выдающийся литератор, оратор и первый серьезный специалист по России в США, Кеннан пересмотрел свои ранее позитивные взгляды на Россию после того, как ознакомился с системой сибирских ссылок в ходе личного визита в 1885-1886 гг. Общаясь в ходе путешествия с многочисленными политзаключенными, он проникся уважением к их интеллекту, умению глубоко мыслить и верности идее о политических свободах. Потрясенный несправедливостью российской пенитенциарной системы, он уехал с убеждением, что царский режим безжалостно подавляет стремление россиян к демократии. С жаром новообращенного он обрушился на русский деспотизм в серии статей, посвященных результатам своей поездки, которые он начал публиковать в популярном журнале *Century* с мая 1888 г. Впоследствии Кеннан воспроизвел этот посыл в сотнях лекций, прочитанных им по всей стране в период с 1889 по 1898 гг. Кроме того, он оказывал поддержку организациям, продвигающим демократию в России, – в частности Обществу американских друзей российской свободы. Это были лишь первые организованные меры в рамках широкого спектра действий и долговременной стратегии по реформированию России в XX в.[1]

Несмотря на то, что озабоченность американского общества российским антисемитизмом и деспотизмом стала фактором изменений официальной двусторонней повестки дня, дружественный тон общения сторон почти не изменился вплоть до начала нового столетия. Два события воодушевили сторонников реформ в России и породили первые успешные попытки изменить американскую государственную политику в отношении к Российской империи – погром в Кишиневе в 1903 г., в ходе которого 47 евреев были убиты, сотни ранены, еврейский квартал разрушен, и революция 1905-1906 гг. После погрома возмущенная, но хорошо организованная и материально стабильная еврейская община составила петицию протеста и настояла на том, чтобы президент Теодор Рузвельт передал ее российским властям. Рузвельт, обеспокоенный действиями России в Маньчжурии и находясь накануне президентских выборов 1904 г., решил удовлетворить эти требования. Документ был также передан в прессу. Это лишь подчеркнуло напряженность в отношениях и заставило Россию более активно сопротивляться тому, что она считала вмешательством в свои внутренние дела [Saul 1996: 474-476].

[1] При анализе работ Кеннана и его влияния на американское общественное мнение см. [Travis 1990; Foglesong 2007: 7-12].

Семь лет спустя еврейская община и другие общественные организации развернули интенсивную кампанию по лоббированию в Конгрессе отмены Торгового договора 1832 г. Конгресс проголосовал "за" подавляющим большинством голосов, несмотря на то, что администрация Тафта выступила против, а американские дипломаты и ведущие бизнесмены были заинтересованы в расширении торговли с Россией. Возможно, этот случай стал первым, когда общественное давление со стороны правозащитных организаций вынудило администрацию в отношениях с Россией отдать предпочтение ценностям, а не интересам. Этот случай не был последним [Healy 1983: 417-425, Saul 1996: 570-577, Foglesong 2007: 43-45].

* * *

Когда в 1890-х годах американское общественное мнение повернулось против России, главный фокус геополитических разногласий сместился на Маньчжурию. Как Россия, так и США не могли оставаться в стороне. Они видели, как великие европейские державы и присоединившаяся к ним восточноазиатская "выскочка" Япония начали бороться за сферы влияния в ослабленной Китайской империи. И США, и Россия были особенно обеспокоены судьбой Маньчжурии, сравнительно благополучной провинции, богатой ресурсами. За годы, предшествовавшие Русско-японской войне, Маньчжурия стала средоточием растущей торговли Америки с Китаем и превратилась в крупнейший с большим объемом импорта регионом [Munro 1912: 154, 157-159; Tomimas 1919: 26-27]. Вашингтон был полон решимости обеспечить своим коммерсантам беспрепятственный доступ к Маньчжурии вне зависимости от изменений в раскладе сил между великими державами, которые конкурировали за политическое влияние в регионе.

Россия также стремилась восстановить былые прибыльные коммерческие связи с Китаем, которые особенно пострадали от растущего британского присутствия в регионе [Sladovskii 2008: 88-99]. Однако Маньчжурия сулила гораздо больше, нежели просто коммерческую выгоду: она держала ключ к выживанию России как великой державы. По крайней мере, так это представлял себе ряд влиятельных людей в Санкт-Петербурге, включая Сергея Витте, могущественного министра финансов и одного из величайших государственных деятелей России. В условиях промышленной революции в Европе России приходилось проводить ускоренную индустриализацию. Этот процесс помог сохранить статус великой державы и предотвратить новую катастрофу масштабов Крымской войны. Это было чрезвычайно дерзким вызовом. Политическая и социально-экономическая структура России даже после реформ Александра II была неспособна генерировать внутреннюю энергию, подобную той, которая подпитывала индустриализацию в других государствах. Постепенно Санкт-Петербург пришел к выводу, что амбициозная политика строительства железных дорог, особенно в азиатской части России, в сочетании с экономическим проникновением в Маньчжурию, заложит основу для быстрого индустриального развития. Это было необходимо не только для связей между рынками, но, что более важно, для создания спроса на промышленную продукцию [Geyer 1987: 186; von Laue 1974: 78-83; Romanov 1952: 41-47, 74-75]. Таким образом, в Маньчжурии империализм и индустриализация сплелись воедино, став залогом выживания России как великой державы.

Транссибирская железная дорога была краеугольным камнем этой большой стратегии [*grand strategy*]. Витте, посвятивший много лет строительству

железных дорог в России и ставший самым горячим сторонником Транссиба, изложил его стратегическое обоснование в 1892 г. Согласно плану, рельсовый путь должен был служить коридором для коммерческих перевозок между тихоокеанским побережьем и Западной Европой. Это предоставило бы России существенное преимущество перед другими европейскими державами из-за ее близости к Китаю, Корее и Японии. В частности, Россия могла занять место Англии, своего самого опасного конкурента, и стать посредником в торговле чаем между Китаем и Европой. В то же время железная дорога укрепила бы безопасность империи на Дальнем Востоке, позволила бы быстрее ввести войска в регион в случае кризиса и облегчила бы снабжение Тихоокеанского флота. Витте не исключал и того, что железнодорожное сообщение могло бы даже открыть возможность для более прямых связей с США через Тихий океан[2].

Конкуренция резко обострилась после того, как Япония неожиданно легко победила Китай в непродолжительной войне 1894-1895 гг., заполучив по условиям Симоносекского мирного договора[3], помимо прочего, полуостров Ляодун в Южной Маньчжурии и контроль над Кореей. Санкт-Петербург это воспринял как неприемлемую угрозу интересам России [Rosen 1921: 136-141][4] и незамедлительно обратился за поддержкой к Германии и Франции для принудительного пересмотра параметров урегулирования. Объединившись, им в конечном итоге удалось убедить Японию отказаться от своих завоеваний. Впрочем, это стало для России пирровой победой, поскольку возникшая вследствие этого неприязнь со стороны Токио привела к череде враждебных действий, кульминацией которых стало унижение России в войне с Японией десятилетие спустя.

Однако в краткосрочной перспективе это подтолкнуло Россию предпринять ряд шагов по укреплению контроля над Маньчжурией. Так, она приступила к строительству Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Маньчжурию во Владивосток и направила регулярные войска под видом полиции для ее охраны. В марте 1898 г. Санкт-Петербург оказал давление на Пекин, чтобы тот предоставил ему в аренду южную оконечность полуострова Ляодун, включая Талиенвань (Далянь) и Порт-Артур, незамерзающую гавань для Тихоокеанского флота России. Кроме того, Россия получила концессию на прокладку железной дороги от Мукдена по КВЖД до Порт-Артура. Таким образом, России закрепила за собою внушительную сферу влияния к северу от Пекина.

Российское продвижение взволновало Лондон: дело шло к формальной аннексии Маньчжурии и установлению доминирующего влияния на китайскую столицу. Это могло угрожать британским интересам к югу от реки Янцзы, английской сфере влияния. Такой сценарий, безусловно, ставил бы крест на британских попытках проникновения в Северный Китай. Стремясь остановить, если не повернуть вспять, продвижение России, Лондон незамедлительно попросил помощи у Германии, Японии и США [Langer 1965: 470-476].

Британо-японский альянс был наихудшим результатом для Санкт-Петербурга. В то же время это был наиболее вероятный сценарий в свете действий России,

[2] Меморандум, цитирующийся в [Romanov 1952: 42-45].

[3] Симоносекский договор – неравноправный договор, заключенный между Японией и Империей Цин 5 (17) апреля 1895 г. после поражения Маньчжурской империи в японо-цинской войне 1894-1895 гг. Он положил начало борьбе держав за расчленение Маньчжурии и Китая.

[4] Барон Розен (Роман Романович Розен, российский дипломат из балтийских немцев, бывший заместителем Сергея Витте в российской мирной делегации в Портсмуте. – *Прим. ред.*), утверждал, что высокопоставленные политики обладали ограниченными знаниями о Дальнем Востоке и в своих решениях по Китаю или Японии опирались на личные предпочтения.

опасений Великобритании и планов Японии в отношении Кореи и Маньчжурии. Но появились и новые поводы для озабоченности, на этот раз со стороны США, хотя Санкт-Петербург по-прежнему считал, что находится в дружественных отношениях с Вашингтоном. Ускоренный рост богатства и могущества Америки и увеличение ее товарооборота в Маньчжурии легко могли вступить в конфликт с усилиями России по повышению контроля над регионом. Аннексия Гавайев и приобретение Филиппин в 1898 г. обеспечили Вашингтону надежную базу для продвижения своих интересов в западной части Тихого океана. Однако куда более тревожными были первые признаки англо-американского сближения[5]. Такое развитие событий обещало положить конец американо-британской вражде, которая, как указывалось в предыдущей части, продолжительное время была одним из столпов российско-американского взаимодействия.

Эти опасения вовсе не были плодом воображения российского правительства. Не факт, что США были заинтересованы в создании собственной сферы влияния, однако они все больше беспокоились о том, чтобы растущие амбиции России в Маньчжурии никак не ограничивали американскую торговлю и инвестиции. Два влиятельных представителя американской интеллигенции – Брукс Адамс, представитель легендарной политической династии, и Альфред Тайер Мэхэн[6] – настаивали на противодействии России. Они предупреждали, что доминирование России в Маньчжурии и Северном Китае представляло прямую угрозу не только коммерческим интересам США, но и всей их деятельности в Тихоокеанском регионе. Плюс к этому Мэхэн был решительным сторонником сближения с Англией для того, чтобы воспрепятствовать российской экспансии и тем самым сохранить баланс сил на Дальнем Востоке [Adams 2019: 114-129; Mahan 2003: 38-86; Green 2019: 79-65].

Отношения быстро испортились, поскольку геополитические и коммерческие интересы обеих стран в Маньчжурии становились все сложнее и противоречивее. В 1899 г. Россия дала уклончивый ответ на просьбу США придерживаться политики “открытых дверей”[7] в Китае, которой следовали Франция, Германия, Великобритания, Италия и Япония. Согласно этому документу, стороны соглашались не подвергать дискриминации торговую деятельность какой-либо страны в своей сфере влияния. Россия едва ли могла с этим согласиться – весь смысл ее политики в Маньчжурии заключался в создании привилегированных условий для российской торговли и инвестиций[8]. Вашингтон это прекрасно понимал. Тем не менее, ответ России и столь же уклончивая реакция других государств в марте 1900 г. были приняты США

[5] Представляет интерес поручение министра иностранных дел Михаила Муравьева новому посланнику России в Соединенных Штатах, Артуру Полю Николасу Кассини 10 февраля (29 января) 1898 г. и послание Кассини помощнику министра иностранных дел Владимиру Ламсдорфу 23 (11) июня 1898 г. (см. [Северо-Американские... 1932: 133-140], а также [Zabriskie 1946: 49-52; Griswold 1938: 37-54]).

[6] Альфред Тайер Мэн (1840-1914) – контр-адмирал, военно-морской теоретик и историк, один из отцов геополитики, видевший суть войны в борьбе за морское господство. (*Прим. ред.*)

[7] Доктрина “открытых дверей” внедрялась с 1899 до 1949 гг. на базе заявлений госсекретаря США Дж. Хэя, а суть этой политики заключалась в предоставлении западным державам равных торговых возможностей в Китае. (*Прим. ред.*)

[8] Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the president transmitted to Congress December 5, 1899. Washington: United States Government Printing Office, 1901. Doc. 104.

за одобрение. Госсекретарь Джон Хэй сообщил всем шести правительствам, что Соединенные Штаты будут считать "окончательным и определяющим" соглашение относительно политики "открытых дверей"[9].

Вспыхнувшее вскоре после этого "боксерское восстание"[10], китайский бунт против иностранного влияния и неуважительного к себе отношения, показали, сколь невысокого мнения был Санкт-Петербург о политике "открытых дверей". Когда в июне 1900 г. повстанцы вошли в Пекин и осадили иностранные миссии, Россия направила войска в Маньчжурию для защиты КВЖД и других объектов. В августе 1900 г. в ответ на озабоченность Америки сохранением территориальной целостности Китая[11] исполняющий обязанности министра иностранных дел России граф Ламсдорф[12] заявил американскому поверенному в делах, что оккупация Россией некоторых частей Китая представляет собой временную военную меру и что у нее нет намерения удерживать "ни пяди земли ни в Китае, ни в Маньчжурии"[13]. Тем не менее, спустя несколько месяцев Россия начала переговоры с Китаем о закреплении своего присутствия на их территории. В начале 1901 г. Россия выдвинула требования, которые фактически превращали Маньчжурию в российский протекторат – согласие на размещение российских войск вдоль КВЖД; отказ от предоставления концессий на железные дороги, добычу полезных ископаемых, а также промышленных предприятий иностранным государствам без согласия России; продление концессии КВЖД для строительства ветки до Великой китайской стены [Романов 1928: 296-299; Langer: 712-716; Zabriskie 1946: 67-68][14].

Через несколько месяцев Россия, опасаясь неминуемой войны с Японией, отозвала эти требования под давлением Великобритании, Японии и США. Однако она продолжала настаивать на уступках со стороны Пекина, и это по-прежнему тревожило три другие державы. В январе 1902 г. Великобритания и Япония заключили союз для совместной защиты своих интересов в Китае и Корее от российской экспансии. Соединенные Штаты не были готовы идти

[9] См. дипломатические сообщения, включенные в Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the president transmitted to Congress December 5, 1899. Washington: United States Government Printing Office, 1901. Docs. 88-105, а также [Langer 1965: 686-688, Zabriskie 1946: 55-60].

[10] Боксерское восстание – вооруженное протестное движение *ихэтуаней* (буквально – "отрядов гармонии и справедливости") против вмешательства западных держав во внутренние дела Китая в 1898-1901 гг. Императрица Цыси, сперва поддержавшая повстанцев, перешла на сторону Альянса восьми держав, и восстание было подавлено, а зависимость Китая от иностранного влияния заметно возросла. Кампания называлась в России того времени Китайской войной или Китайским походом. (*Прим. ред.*)

[11] Foreign relations of the United States, 1901, Appendix. Affairs in China, Report of William W. Rockhill, late commissioner to China, with accompanying documents. Washington: United States Government Printing Office. 1902. Doc. 4.

[12] Граф Владимир Николаевич Ламсдорф (также Ламздорф; 1844-1907) – русский дипломат, происходящий из остзейского дворянства, министр иностранных дел Российской империи в 1900-1906 гг. Выступал за умеренный курс дальневосточной политики, однако предусматривающий постепенное расширения владений России. В частности, согласованный с Японией в 1902 г. вывод войск из Маньчжурии не был завершен Россией, что стало одной из причин войны 1904-1905 гг. (*Прим. ред.*)

[13] Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the president transmitted to congress December 3, 1900. Washington: United States Government Printing Office. 1902. Doc. 492.

[14] См. также Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the president transmitted to Congress December 7, 1903. Washington: United States Government Printing Office. 1904. Doc. 48.

на такой шаг – война представляла собой неоправданно высокий риск для Вашингтона. Заручиться поддержкой Конгресса или общественности в отношении военных действий против России на Дальнем Востоке являлось делом безнадежным. Вместо этого Вашингтон потребовал от Санкт-Петербурга отказаться от уступок, которых Россия добивалась от Пекина и которые противоречили политике "открытых дверей", лишь для того, чтобы услышать в ответ: "переговоры, ведущиеся между двумя полностью независимыми государствами, не подлежат согласованию с другими державами"[15]. В этих обстоятельствах США с целью защиты своих интересов приступили к переговорам с Пекином по коммерческому договору. В этом документе помимо прочего, определялись бы порты в Маньчжурии, в которых американцы получали право вести деятельность на недискриминационной основе. Кроме того, США смогли бы назначать генеральных консулов в регионе. Геополитические последствия этих якобы коммерческих переговоров были очевидны для Санкт-Петербурга, который теперь был убежден, что Вашингтон вступил в сговор с Лондоном и Токио, чтобы помешать его политике [Zabriskie 1946: 97].

И хотя в апреле 1902 г. Россия и Китай заключили соглашение, согласно которому российские войска подлежали выводу в течение полутора лет, это почти не способствовало ослаблению нараставшей напряженности. Россия медлила, продолжая вынуждать Пекин к уступкам. Между тем США ускорили торговые переговоры[16], и стороны в конце концов пришли к соглашению в октябре 1903 г. [ibidem]. В тот же день Япония, которая активизировала подготовку к войне, подписала с Пекином аналогичное соглашение. Англия заверила Японию в своей поддержке и призывала к проведению ею решительной политики. Санкт-Петербург все больше убеждался в том, что Вашингтон поддержит Токио, если растущие разногласия между Россией и Японией в Маньчжурии приведут к войне [ibid.: 98-99].

Итак, все было готово. Вопрос заключался лишь в том, кто ударит первым. Вдохновленная союзом с Великобританией и на фоне заключенного между Китаем и США торгового соглашения, которое соответствовало ее собственным интересам, Япония 8 февраля 1904 г. внезапно напала на российский флот у Порт-Артура и уничтожила его.

Как и опасался Санкт-Петербург, США склонились к тому, чтобы принять сторону Японии, пусть и при сохранении формального нейтралитета [Dennett 1959: 27n]. Президент Теодор Рузвельт, прилежно усвоивший уроки глобальной политики и практикующий *Realpolitik*, по мнению Генри Киссинджера [Kissinger 1994: 41], надеялся использовать разворачивавшийся конфликт на Дальнем Востоке для изменения расклада сил в пользу Америки. Рузвельт считал Россию сильнее, и поэтому сперва приветствовал шаги, направленные на укрепление позиций Японии. Однако американский лидер не был заинтересован в доминировании Японии в Маньчжурии; скорее, он надеялся, что война ослабит Россию и упрочит положение Японии в Маньчжурии, при этом изнурив каждую из сторон в финансовом, экономическом и физическом отношении. Как следствие в Маньчжурии должно было установиться равновесие между странами, ослабленными и утратившими интерес к незамедлительной дальнейшей территориальной экспансии. Это бы отвечало

[15] Ibid. Doc. 856.

[16] Имеются в виду переговоры с Китаем по поводу маньчжурских портов. (*Прим. ред.*)

американским коммерческим, экономическим и геополитическим интересам в регионе [Zabriskie 1946: 101-108; Beale 1956: 268-271].

К весне 1905 г. стороны были готовы закончить войну – конфликт истощал финансовые и человеческие ресурсы Японии, в то время как Россию охватила революция, огонь которой разгорался в течение года все сильнее. В апреле японцы намекнули Рузвельту, что готовы согласиться на его добрые услуги в налаживании прямых переговоров с русскими. Получив от Японии заверения в том, что она будет соблюдать политику "открытых дверей" и выступать за возвращение Маньчжурии под контроль Китая – то есть за достижение целей, которые давно привлекали Вашингтон, – Рузвельт предпринял шаги, направленные на сближение двух сторон [Zabriskie 1946: 113-114]. Его стремление к заключению мира лишь усилилось после крупных побед японцев на суше в Мукдене в марте и на море в Цусимском проливе в мае. Это грозило тем, что Япония окончательно вытеснит Россию из Маньчжурии и пошатнет равновесие, к которому стремился Рузвельт.

В августе в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир, начались переговоры. За три недели при активном посредничестве Рузвельта был заключен мирный договор. По его условиям, российское присутствие в Маньчжурии сократилось, а Япония получила контроль над Порт-Артуром, Южно-Маньчжурской железной дорогой и южной половиной Сахалина. Но Россия была непреклонна в вопросе контрибуции. В конце концов Япония не получила за свои огромные военные расходы компенсации, которая могла бы серьезно облегчить ее тяжелую финансовую ситуацию. Казалось, Рузвельт добился своего: между двумя ослабленными соперниками установился баланс, что отвечало интересам Америки[17]. Однако Россия и Соединенные Штаты отныне больше не были "друзьями".

* * *

В последние два десятилетия XIX в. и в первые два десятилетия следующего столетия наметился характер российско-американского соперничества, основанного на противоречащих друг другу принципах и целях геополитических амбиций. Это противостояние сохраняется практически до нынешнего дня. Оно возникло вследствие американского динамизма, уверенности и значимости собственного достоинства, которые вывели страну за пределы Западного полушария. Теперь амбиции США распространились на Восточную Азию и Европу. Это побудило американцев насаждать свой образ жизни и свои структуры за рубежом в качестве основы американского процветания, безопасности и успеха. В России же, напротив, внутренняя система и геополитические чаяния остались практически без изменений, несмотря на трудности внутри страны и непрерывную смену коалиций с великими европейскими державами. Ее внешняя политика определялась чувством уязвимости и потребностью поспеть за соперниками, а не великой миссией. Она предпочла бы сохранить дружественные отношения с Соединенными Штатами, и у нее точно не было желания искать новых соперников. Однако у России не было иного выбора, кроме как сопротивляться. США продвигались в регионы, которые Россия считала для себя жизненно важными, не переставая критиковать ее внутренние дела. Американский идеологический активизм и геополитические амбиции в конечном итоге разрушили хрупкое сотрудничество, существовавшее с 1775 г. [Gaddis 1978: 55-56].

[17] Подробное описание посредничества Рузвельта см. в [Zabriskie 1946: 113-130; Beale 1956: 268-314]. О политике Рузвельта на Дальнем Востоке см. [Gaddis 1978: 32-41].

Именно в этот период США затеяли кампанию с целью реформировать Россию. Первоначальный импульс, направленный на демократизацию самодержавия, плавно превратился в стремление уничтожить коммунистический режим, а после краха СССР – содействовать переходу к демократии и свободному рынку. Эта кампания начиналась как общественное движение, получавшее эпизодическую поддержку властей. Однако с началом холодной войны это движение заняло центральное место в американской политике. Накал российского сопротивления и негодования нарастал и ослабевал в зависимости от остроты геополитического соперничества и уровня мощи России. Геополитическая напряженность увеличивалась по мере вовлечения Америки в мировые дела. Ее влияние распространялось с Северо-Восточной Азии на другие регионы, которые граничили с обширной российской периферией в Евразии. Сыграло свою роль и потепление американских отношений с Англией, которая издавна враждовала с Россией на евразийских просторах. Несомненно, к середине XX в. США заняли место Англии в качестве главного соперника России. На протяжении всего периода соперничества этих стран баланс сил асимметрично смещался в пользу Соединенных Штатов. Время от времени Россия оказывалась способной соревноваться с ними в военном или идеологическом отношении, однако она никогда не приближалась к ним с точки зрения социально-экономического динамизма или привлекательности массовой культуры.

Большевистская революция 1917 г. положила начало эпохе еще более глубокого антагонизма. Этот период растянулся на весь срок существования советского государства, с небольшим перерывом на время Второй мировой войны. Он завершился при распаде СССР в 1991 г. Вначале американские власти отказывались признавать откровенно революционный, антикапиталистический советский режим, покушавшийся на американские ценности и интересы. Отношения смягчились в 1933 г., когда над Европой сгустились штормовые тучи будущей войны, а японский империализм стал угрожать американским интересам в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. С окончанием Второй мировой войны антигитлеровский альянс распался. Ялтинские и Потсдамские соглашения раскололи Европу на два противоборствующих лагеря, которые тут же попали в тиски холодной войны. Нет необходимости перечислять все нюансы взаимной враждебности холодной войны. Стоит лишь отметить, что как минимум однажды мир оказался под угрозой исчезновения – в 1962 г. США и СССР балансировали на грани ядерной войны в ходе Карибского кризиса.

С окончанием холодной войны появилась слабая надежда на прочную дружбу. Тем не менее четыре попытки выстроить партнерство окончились неудачей. Как и в конце XIX в., две державы в середине 2010-х годов вновь превратились в соперников, которыми им, по-видимому, предстояло оставаться долгие годы, если не десятилетия.

ДОЛГОСРОЧНАЯ ОСНОВА СОПЕРНИЧЕСТВА

У этих непростых отношений есть множество причин. Если описать их на самом элементарном уровне, то конкуренция между великими державами – неотъемлемая черта международных отношений. Это особенно верно для динамично развивающихся экспансионистских держав, интересы которых сосредоточены как в Восточной Азии, так и в Европе. Именно такими игроками были США

и Россия/СССР на протяжении последних 150 лет. Тем не менее одного лишь конкурентного характера отношений между великими державами недостаточно, чтобы объяснить глубину и стойкость антагонизма. Это противостояние по своим масштабам значительно превосходит разногласия Америки и – до определенной степени – России с другими державами, такими как Великобритания, Франция, Германия, Япония и Китай[18]. Чтобы понять долгосрочный характер соперничества США и России, обратим внимание на различия в требованиях, предъявляемых каждой стороной к укреплению своей безопасности и процветания, а также на конкурирующие формы национального целеполагания. Как отмечал Уильям Эпплман Уильямс[19], история американо-российских отношений – это нарратив о "конфликте двух предназначений [*destinies*], оба из которых нацелены на расширение и открыто заявлены" [Williams 1971: 3].

География, климат и геополитические условия не относятся к предназначениям, однако они открывают возможности и создают проблемы, формирующие характер любой нации. В этом отношении трудно представить более различающиеся стартовые условия, чем те, что оказались у России и США. Ни одна великая держава не возникала в более бесперспективных географических, климатических и геополитических условиях, чем Россия. Равно как и ни одна великая держава не обладала более благоприятными стартовыми условиями, чем США. Мировоззрение России сформировалось в суровых условиях необходимости выживать, тогда как американцы буквально упивались возможностями прогресса.

Подлинной предшественницей современного российского государства была даже не Киевская Русь, а Московия, лежавшая на той же широте, что и Гудзонов залив. Она располагалась на покрытой густым лесом северной части Русской равнины, где зимы суровы, вегетационный период короткий, почва бедна питательными веществами, а расчистка лесов для ведения сельского хозяйства представляла сложную задачу. В таких условиях эта земля могла прокормить лишь небольшое население, да и то ценой исключительных затрат и усилий. Основной доход приносили обильные леса, богатые пушниной и древесиной – основными товарами, которыми Московия торговала с внешним миром [Ключевский 1987; Lieven 2000: 201-206]. Но возможности для торговли были невелики. Московия лежала далеко от основных торговых путей и не контролировала реки, которые вели бы к открытому морю, облегчая товарообмен. Таким образом, Московское государство было изолировано и удалено от главных центров цивилизации в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии.

Угрозу безопасности Московии представлял собой юг, где леса уступали место степям, простирающимся от Центральной Азии до Европы. Населяли эти земли кочевые племена, которые состояли из весьма мобильных, ловких и готовых к убийству воинов. Преемники Чингисхана в XIII в. пришли с Востока и поработили Киевскую Русь, в которую входили земли, впоследствии ставшие Московией. Сама Москва освободилась от монгольского

[18] Главным исключением являются отношения между Россией и Великобританией, которые на протяжении последних двухсот лет показывали тенденции к соперничеству. Эти тенденции интересны тем, что их причины аналогичны тем, которые легли в основу американо-российского соперничества.

[19] Уильям Эпплман Уильямс (1921-1990) – один из наиболее известных представителей "Висконсинской школы" дипломатической истории XX в. Он критиковал войну во Вьетнаме и вдохновил целое поколение историков на переосмысление холодной войны. (*Прим. ред.*)

владычества лишь в конце XV в., но еще долго подвергалась грабежам со стороны воинов-кочевников – последний крупный набег датируется 1571 г., тогда Москва была разграблена татарскими племенами. Угроза исчезла лишь после того, как Екатерина II овладела северным побережьем Черного моря и присоединила Крым в конце XVIII в.

Таким образом, под влиянием географического, климатического и геополитического факторов в сознании россиян сформировалось глубокое чувство уязвимости и незащищенности. Самыми большими бедствиями считались неурожай и безжалостный набег кочевников. Нужно было постоянно оценивать уровень опасности. Впрочем, отсутствие серьезных физических преград, которые могли бы обеспечить защиту, а также наличие связанной системы рек и обширных степей, облегчавшей перемещение по Русской равнине, экспансия – в форме попыток отодвинуть границы как можно дальше от центральной части страны – представлялась самым надежным способом обеспечить безопасность. Стратегически экспансия по сути представляла собой оборонительную операцию. Однако чаще Россия расширялась путем агрессии против соперников или возникающих угроз. Неудивительно, что соседи видели в ней державу, от которой исходила исключительная опасность.

Соединенные Штаты, напротив, возникли на краю огромной территории, обеспечивающей безграничные возможности. Средняя треть североамериканского континента находится в зоне умеренного климата. Бассейн реки Миссисипи, расположенный между Скалистыми горами на западе и Аппалачами на востоке, питает крупнейший в мире массив богатых пахотных земель. Сложная сеть рек, впадающих в открытое море в районе Нового Орлеана, облегчает снабжение продовольствием населенных пунктов на побережье Мексиканского залива и Атлантического океана. Изрезанная береговая линия образует многочисленные естественные гавани на всех трех побережьях, что идеально подходит для морской торговли. Эта земля также считается одной из богатейших в мире кладовых природных ресурсов, большая часть которых доступна[20].

В геополитическом плане средняя треть континента оказалась хорошо защищенной от внешних угроз. В заданных географических и климатических условиях крупное государство просто не могло образоваться путем экспансии на север или юг. Климат территории, на которой впоследствии появилась Канада, был слишком холодным, а земли будущей Мексики были слишком засушливыми, для поддержания сельскохозяйственной системы, которая могла бы соперничать с урожайностью бассейна Миссисипи. Как в северной, так и в южной части североамериканского континента отсутствовала развитая система рек, доступная для беспрепятственного судоходства, равно как и система столь же многочисленных естественных гаваней. Два огромных океана на востоке и западе обеспечивали защиту от нападения с других континентов. В любом случае европейские великие державы были озабочены балансом сил в Европе; американский же континент всегда оставался для них второстепенным театром военных действий. Между тем эту землю исторически заселяли менее развитые индейские племена, которые не могли дать серьезный отпор энергичным англо-американцам[21].

[20] См. *The Geopolitics of the United States, Part 1: The Inevitable Empire. Stratfor.* 04.06.2016. https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-united-states-part-1-inevitable-empire (accessed 08.12.2021).

[21] Ibidem.

Ничто из перечисленного не предвещало, что поселенцы первых тринадцати колоний, расположившихся вдоль атлантического побережья, станут прародителями великой державы. Для начала им предстояло сохранить взаимную сплоченность, чтобы исключить возникновение системы конкурирующих государств, которые бы боролись за богатства континента. Это оказалось делом непростым. Региональные распри и соперничество не прекращались с момента основания колоний. Но даже обеспечив единство, поселенцы оказались перед задачей установить господство в бассейне Миссисипи и устранить любые угрозы своему контролю внутри континента. При достижении этих трех целей, превращение Америки в великую державу становилось почти неизбежным. Перестав тратиться на оборону от соседних великих держав, страна обретала возможность сосредоточить ресурсы на обеспечении процветания и экономической мощи[22].

Таким образом, для Соединенных Штатов экспансия представляла собой способ стать великой страной, и отцы-основатели Америки с самого начала стремились освоить континент. В итоге американская экспансия радикально отличалась от российской своим характером, что очевидно даже сегодня. Расширение России диктовалось необходимостью непрестанного поиска безопасности, в то время как для Америки этот же процесс был обусловлен стремлением выполнить свое предназначение.

Перевод с англ. С. Чугрова

DOI: 10.17976/2022.02.11

RUSSIA AND THE UNITED STATES ON THE WORLD STAGE. PART II. THE IDEOLOGICAL AND GEOPOLITICAL PATH TO ENDURING RIVALRY

T. Graham[1]

[1] *Council on Foreign Relations. New York, USA*

GRAHAM, Thomas E., distinguished fellow, Council on Foreign Relations, New York, email: tgraham@cfr.org

Graham T. (2022). Russia and the United States on the world stage. Part II. The ideological and geopolitical path to enduring rivalry. *Polis. Political Studies*, 2, 145-158. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.11

Received: 11.10.2021. Approved: 11.11.2021

Abstract. The late 19th and early 20th centuries set the framework for a US-Russian rivalry, grounded in diverging principles and clashing geopolitical ambitions. The rivalry arose as a consequence of American dynamism, confidence, and self-regard, which propelled the country from the confines of the Western Hemisphere overseas into East Asia and Europe and nourished aspirations to propagate its way of life and institutions abroad as a foundation for American prosperity, security, and continued success. Russia, by contrast, remained much as it had been in domestic structure and geopolitical endeavor, despite internal stresses and shifting coalitions with European great powers. Its foreign policy was driven by a sense of vulnerability and the need to keep up with its rivals not by a grand mission. It would have preferred to retain cordial relations with the United States. But it had no choice but to resist as the United States pushed into regions it considered of vital interest and stepped up criticism of its domestic affairs. Geography, climate, and geopolitics conspired to embed a profound sense of vulnerability and insecurity in the Russian psyche, while it stimulated America's rise as a great power. If Russia expanded out of necessity in an unending

[22] Ibidem.

search for security, America did so out of ambition to fulfill its destiny. American ideological activism and geopolitical ambition ultimately shattered the fragile framework of comity that had existed since 1775.

Keywords: Russian-American relations, anti-Semitism, George F. Kennan, Manchuria, Russo-Japanese War, balance of power, Russian expansionism, American expansionism.

References

Adams, B. (2019). America's economic supremacy. Singapore: Origami Books.

Beale, H. (1956). Theodore Roosevelt and the rise of America to world power. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Dennett, T. (1959). Roosevelt and the Russo-Japanese war. Gloucester, MA: Peter Smith.

Foglesong, D. (2007). The American mission and the "Evil Empire": the crusade for a "Free Russia" since 1881. Cambridge: University Press.

Gaddis, J. (1978). Russia, the Soviet Union, and the United States: an interpretative history. New York: John Wiley and Sons.

Geyer, D. (1987). Russian imperialism: the interaction of domestic and foreign policy 1860-1914. New Haven: Yale University Press.

Green, M. (2019). By more than providence: grand strategy and American power in the Asia Pacific since 1783. New York: Columbia University Press.

Griswold, A. (1938). The Far Eastern policy of the United States. New Haven: Yale University Press.

Healy, A. (1983). Tsarist anti-semitism and Russian-American relations. *Slavic Review,* 42/3 (Autumn), 411-415.

Kissinger, H. (1994). Diplomacy. New York: Simon & Schuster.

Langer, W. (1965). The diplomacy of imperialism, 2nd ed. New York: Alfred A Knopf.

Laue, T. von (1974). Sergei Witte and the industrialization of Russia. New York: Atheneum.

Lieven, D. (2000). Empire: the Russian Empire and its rivals. New York: Yale University Press.

Mahan, A. (2003). The problem of Asia: its effect upon international politics. New Brunswick: Transaction Publishers.

Munro, D. (1912). American commercial interests in Manchuria. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science,* 39 (January), 154-159.

Romanov, B. (1952). Russia in Manchuria (1892-1906), Ann Arbor. Michigan: Edwards Brothers.

Rosen, B. (1921). Forty years of diplomacy, vol. 1. London: George Allen & Unwin Ltd.

Saul, N. (1996). Concord and conflict: the United States and Russia 1867-1914. Lawrence, KS: University Press of Kansas.

Sladovskii, M. (2008). History of economic relations between Russia and China: from modernization to Maoism. New Brunswick, NJ: Transactions Publishers.

Tomimas, S. (1919). The open-door policy and the territorial integrity of China. New York: A.G. Seiler.

Travis, F. (1990). George Kennan and the American-Russian relations 1865-1924. Athens: Ohio University Press.

Williams, W. (1971). American-Russian relations 1782-1947. New York: Octagon Books.

Zabriskie, E. (1946). American-Russian rivalry in the Far East: a study in diplomacy and power politics 1895-1914. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Klyuchevskiy, V. (1987). *Kurs russkoy istorii* [The course of Russian history]. Lectures 3, 4. In V.O. Klyuchevskiy, *Works in 9 vols* (pp. 63-89). Moskow: Mysl'. (In Russ.)

Romanov, B. (1928). *Rossiya v Man'chshurii (1892-1906)* [Russia in Manchuria]. Leningrad: Leningrad Eastern Institute. (In Russ.)

Severo-Amerikanskiye Soyedinennyye Shtaty i tsarskaya Rossiya v 90-kh gg. XIX v. [North American United States and tsarist Russia in the 90s of the 19th century]. (1932). *Krasnyy Arkhiv LII,* 133-140. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ключевский В. 1987. Курс русской истории. Лекции 3, 4. *Сочинения в девяти томах.* Т. 1. М.: Мысль. С. 63-89.

Романов Б. 1928. *Россия в Маньчжурии (1892-1906).* Ленинград: Ленинградский восточный институт.

Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90-х гг. XIX в. 1932. *Красный Архив.* № 52. С. 133-140.